

<https://doi.org/10.3176/hum.soc.sci.1966.4.05>

Ю. ЛИВШИЦ, Ю. КАСК

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАКАЗАНИЯ

Возрастание роли научных основ руководства обществом в современных условиях находит отражение в непрерывно расширяющемся использовании методов конкретно-социологических исследований при изучении различных сфер социальной жизни. Эти методы постепенно занимают одно из почетных мест и в теории и практике решения вопроса об эффективности уголовно-правовых средств борьбы с преступностью.

В Эстонской ССР в 1964—1965 гг. была предпринята попытка изучить подобным путем эффективность применения условно-досрочного освобождения от наказания в виде лишения свободы.

Условно-досрочное освобождение представляет собой одно из средств, при помощи которого достигаются общие цели наказания. В системе мер по исправлению и перевоспитанию лиц, совершивших преступление, роль условно-досрочного освобождения состоит в том, что оно, с одной стороны, создает дополнительный стимул исправления для лица, отбывающего наказание, а, с другой стороны, в течение определенного срока служит для освобожденного предостережением от повторного совершения преступления.

Чем успешнее реализуются эти задачи условно-досрочного освобождения, тем показательнее практическая эффективность этого института. При этом следует, однако, подчеркнуть, что эффект условно-досрочного освобождения, как, впрочем, и любого другого правового института, зависит не только от правильности его применения, но и от содержания нормативных требований.

В конечном итоге одним из самых существенных показателей результативности этого вида освобождения является честная жизнь условно-досрочно освобожденных после выхода из места заключения и, напротив, показателем неэффективности (недостаточной эффективности) — совершение этими лицами новых преступлений.

Поскольку данные общей статистики свидетельствуют о том, что значительное количество лиц, освобожденных условно-досрочно, совершает новые преступления, естественно было обратить внимание на факторы, снижающие эффективность этой формы освобождения.

В этих целях были подвергнуты специальному обследованию две группы лиц. Первая группа состояла из 185 человек, отбывающих наказание в местах лишения свободы Министерства охраны общественного порядка Эстонской ССР (= МООП ЭССР) за преступления, совершенные после условно-досрочного освобождения. Изучение их личностей и других данных производилось с привлечением актива из числа работников исправительно-трудовых учреждений МООП ЭССР по заранее разработанной программе путем сбора сведений, содержащихся в личных делах, и бесед с самими осужденными.

Вторая группа включала 191 человек, освобожденных условно-досрочно от нака-

зания в основном в 1962—1963 гг. и опрошенных по месту их работы и жительства.¹ В этом выборочном обследовании значительную роль сыграли члены наблюдательных комиссий и общественность на производстве и при домоуправлениях.

Было бы методологически неверным при сборе сведений ограничиться материалами, относящимися только к практике условно-досрочного освобождения, и искусственно исключить из поля зрения все другие социальные факторы, возникающие после освобождения и влияющие на снижение или полную нейтрализацию результативности рассматриваемого института.

Вся совокупность факторов, влияющих на эффективность условно-досрочного освобождения, может быть сгруппирована следующим образом.

Во-первых, при условно-досрочном освобождении был допущен просчет. На самом деле не исправившегося, затаившегося и приспособившегося к условиям исправительно-трудового учреждения заключенного приняли за человека, доказавшего свое право на досрочное освобождение. Он же совершил новый преступный акт, рассчитывая, возможно, и на то, что даже если придется снова вернуться в тюрьму или колонию, то оттуда можно и досрочно выйти. Кроме того, нельзя исключать и возможность явных ошибок администрации ИТУ, наблюдательной комиссии, суда, которые в силу поверхностного анализа материалов об осужденном преждевременно применяют к нему условно-досрочное освобождение.

Во-вторых, к моменту условно-досрочного освобождения мнение суда об исправлении осужденного совпало с самооценкой и раскаянием самого заключенного, но, попав на воле в условия, благоприятствующие антиобщественному поведению, он вновь стал на путь совершения преступлений.

На первый взгляд может показаться, что с практикой применения условно-досрочного освобождения непосредственно связаны только факторы первой группы, однако на самом деле изучение влияния факторов второй группы также позволяет выявить ряд специфических для условно-досрочного освобождения дефектов исправления. Объясняется это тем, что смысл освобождения под условием состоит в необходимости контроля за освобожденным в течение всего неотбытого срока наказания.

Для характеристики практики условно-досрочного освобождения по сведениям, полученным при наших обследованиях, следует учитывать, что условно-досрочное освобождение изученных лиц было осуществлено в разные годы (табл. 1).

Таблица 1

Год условно-досрочного освобождения	Объект 185		Объект 191	
	Число освобожденных	%	Число освобожденных	%
1954—1958	2	1,1	1	0,5
1959	82	44,3	2	1
1960	36	19,4	4	2,1
1961	12	6,5	4	2,1
1962	36	19,4	46	24,1
1963	17	9,3	124	64,9
1964	—	—	10	5,3
Всего	185	100	191	100

Тот факт, что основная масса обследованных по «объекту 185» была освобождена в 1959—1961 гг. объясняется просто. Это лица, которые после освобождения провели какое-то время на свободе, совершили новое преступление (64,3% из них — в период испытательного срока), и к моменту обследования (1964—1965 гг.) уже отбыли частично срок за новое преступление.

¹ Для удобства изложения называем в дальнейшем первую группу «объект 185», а вторую — «объект 191».

Освобождение же основной массы обследованных по «объекту 191» в период 1962—1963 гг. объясняется особенностями этой группы. Это лица, у большинства из которых еще не истек испытательный срок. Общность этих и ряда других условий создает основу для сопоставления полученных результатов обследования по обоим объектам.

В советской науке исправительно-трудового права разработаны довольно четкие критерии исправления осужденного,² в основе которых лежит принцип оценки субъекта по его поведению. При осуществлении условно-досрочного освобождения исходят из такой характеристики личности освобождаемого, которая свидетельствует о его добро-совестном отношении к труду, о выполнении режима, участии в общественной жизни и т. п. На основе этих критериев и складывается впечатление, что обстановка в исправительно-трудовом учреждении благоприятно сказалась на развитии личности осужденного, помогла ему превратиться в честного и сознательного труженика социалистического общества, что и позволяет применить к нему условно-досрочное освобождение.

Однако результаты, полученные при анкетировании «объекта 185», показывают, что эти внешние критерии исправления не всегда отражают действительного изменения личности. На вопрос — «Какое, по мнению обследуемого, влияние оказало на него нахождение в местах заключения за предыдущие преступления — положительное или отрицательное?», — 92 человека, т. е. почти половина обследуемых ответили, что «отрицательное». (Здесь следует заметить, что хотя в большинстве случаев опрос производился начальниками отрядов мест заключения, многие заключенные откровенно говорили об отрицательном влиянии, которое оказывала на них обстановка мест заключения.) Следовательно, к моменту условно-досрочного освобождения они, характеризуясь положительно по внешнему своему поведению, на самом деле были подвергнуты еще более глубокому отрицательному влиянию окружающей среды, что не могло, конечно, не содействовать совершению нового преступления после освобождения. Тот факт, что из мест заключения подчас освобождаются лица с глубоко укоренившимися антиобщественными установками, отмечается и в Постановлении Президиума Верховного Совета ЭССР от 29 ноября 1965 г. «О состоянии привлечения к труду лиц, освободившихся из мест лишения свободы, и проводимой среди них воспитательной работе в Эстонской ССР». В этом же постановлении указывается, что имеются случаи, когда администрации мест лишения свободы без достаточного основания направляют в народные суды представления о досрочном освобождении рецидивистов.

Это положение подтверждается и нашими данными о судимостях обследованных (табл. 2).

Таблица 2

Число судимостей	Объект 185		Объект 191	
	Число лиц	%	Число лиц	%
Одна	—	—	150	78,5
Две	87	47	28	14,5
Три и более	98	53	13	7
Всего	185	100	191	100

Как следует из таблицы, по «объекту 185» преобладают лица, имеющие три и более судимостей. Они составляют 53% общего числа обследованных в местах заключения, причем более трети из них судимы четыре и более раз. Напротив, по «объекту 191» значительное большинство составляют лица с первой судимостью, а неоднократно осужденные — лишь 21,5% общего числа обследованных на свободе. Эти различия

² См., напр., Н. А. Беляев, Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях. Л., 1963, стр. 53—54.

объясняются в известной степени тем, что по «объекту 185» анкетировались лица, отбывавшие наказание за новые преступления, совершенные после имевшего место ранее условно-досрочного освобождения, а по «объекту 191» — лица, освобожденные условно-досрочно и находившиеся на свободе. Из анализа таблицы ясно видно, что администрация исправительно-трудовых учреждений и наблюдательные комиссии представляли к условно-досрочному освобождению значительное количество лиц с неоднократной судимостью, а народные суды освобождали их. Кроме того, данные по «объекту 185» свидетельствуют, что на путь рецидива чаще становятся лица, неоднократно судимые. Хотя закон формально не исключает возможности представления к условно-досрочному освобождению ранее судимых, однако ясно, что подходить к решению этого вопроса надо в данном случае более осторожно.

Следовательно, многие из условно-досрочно освобожденных не только не восприняли исправительного воздействия мест заключения, но и остались индифферентными к условно-досрочному освобождению как новой возможности становления на честный путь.

При осуществлении условно-досрочного освобождения необходимо руководствоваться старой истиной. Для осужденного оказаться в тюрьме или колонии означает не только стать объектом положительного влияния исправительных средств, но и оказаться под интенсивным психологическим воздействием преступной среды. Разрозненные и, как правил, не связанные узами постоянного общения «на воле», преступники в исправительно-трудовом учреждении оказываются собранными вместе и имеют многочисленные возможности как для преднамеренного, так и стихийного отрицательного влияния друг на друга. Особенно необходимо учитывать отрицательное влияние рецидивистов на впервые осужденных, в особенности из числа молодежи.

Все это говорит о том, что при проведении мер по перевоспитанию осужденного надо вести борьбу не только с теми антиобщественными установками в его сознании, которые привели его на скамью подсудимых, но и с характерной для мест заключения антиобщественной психологией, если и не имеющей всеобщего распространения, то охватывающей все же определенные группы заключенных. В силу этого при решении вопроса об условно-досрочном освобождении возникает задача обращать специальное внимание на круг знакомств освобождаемого, на его привязанности, симпатии и антипатии. Поверхностный подход, поспешность в оценке личности осужденного, представляемого к условно-досрочному освобождению, имеет, как правило, целый ряд отрицательных последствий. Во-первых, наносится вред воспитательной работе мест лишения свободы, т. е. дискредитируется в глазах других осужденных стимул к примерному поведению и честному отношению к труду и, во-вторых, на свободу может выйти несправившийся преступник, который очень легко может стать на путь совершения новых преступлений. Поэтому правильно поступают те народные суды, которые тщательно исследуют личность представленного к условно-досрочному освобождению и при недостаточности объективных данных, характеризующих исправление лица, отказывают в условно-досрочном освобождении. Так, 18 марта 1965 г. одна из исправительно-трудовых колоний представила в народный суд материалы на условно-досрочное освобождение группы заключенных. Суд, тщательно рассмотрев дела, отказал семи лицам в условно-досрочном освобождении как несправившимся.

При решении вопроса о глубине и стойкости антиобщественной установки личности, представляемой к условно-досрочному освобождению, одним из факторов, подлежащих глубокому анализу, является возраст заключенного. Рассмотрим возрастные данные обследованных нами групп (табл. 3).

Таблица показывает, что в обеих группах обследованных преобладали лица зрелого возраста.

Конечно, возраст в момент обследования и возраст в момент условно-досрочного освобождения (а нас интересует в основном последний, хотя непосредственно его получить не удалось) не совпадают. Этот разрыв особо очевиден по объекту 185», где большинство было освобождено до 1963 г. Но зато по «объекту 191», где 147 чело-

Таблица 3

Возраст в момент обследования, лет	Объект 185		Объект 191	
	Число лиц	%	Число лиц	%
18	—	—	1	0,5
19	3	1,6	3	1,5
20	5	2,7	6	3,1
21	4	2,2	12	6,4
22	5	2,7	4	2,1
23	10	5,4	5	2,6
24	8	4,3	4	2,1
25	7	3,8	9	4,7
26—30	32	17,2	32	16,8
31—40	80	16,8	70	36,6
41 и старше	31	43,3	45	23,6
Всего	185	100	191	100

век было в возрасте 26 лет и старше, в том числе очень многие старше 41 года, 134 человека были условно-досрочно освобождены в 1963—1964 гг.

Учитывая полученные данные о возрастном контингенте освобождаемых условно-досрочно, не следует ли задуматься над тем, что в большинстве случаев мы имеем здесь дело с людьми, у которых уже сформировались психический склад, индивидуальное мировоззрение, определенные привычки отрицательного характера, преодоление которых значительно труднее, чем у лиц более молодого возраста. Анализ полученных нами данных заставляет думать, что в этом возрасте люди, «ушедшие в себя», не раскрывшие в поведении до конца характера своих привязанностей, симпатий, мотивов, представляют собой, очевидно, явление более частое, чем можно было бы предполагать.

Одной из важных характеристик личности осужденного, представляемого к условно-досрочному освобождению, должно быть его отношение к повышению своего образования. Многочисленными наблюдениями установлена зависимость между низким уровнем образованности и преступностью. И это вполне объяснимо, ибо сама логика поведения, проходящая по ступеням: потребности — интересы — мотивы — воля — поступок, — такова, что узкий мир потребностей человека с плохим образованием (при этом имеет значение не только и не столько количество оконченных классов, сколько качество знаний), ведет к ограниченным обывательским интересам, под влиянием которых возможна антиобщественная мотивация, приводящая при появлении способствующих условий к преступному акту.

Характеристика образовательного уровня лиц, обследованных нами, приведена в табл. 4.

Как следует из таблицы, большинство обследованных имело образование не ниже шести классов, а многие (собственно 37,8 и 32,0%) сообщили, что повысили свою грамотность в местах лишения свободы. При этом особую озабоченность вызывает качество знаний, получаемых в школе, и действительность соединения обучения и воспитания, в частности, в школах исправительно-трудовых учреждений. Необходимо также добиваться, чтобы в местах лишения свободы все заключенные, не достигшие 50-летнего возраста и не имеющие обязательного восьмилетнего образования, повышали свой общеобразовательный уровень. При решении вопроса об условно-досрочном освобождении вывод об исправлении того или иного осужденного должен основываться и на его отношении к общему образованию. Между тем обследование показало, что преобладающее большинство лиц, подвергнутых анкетированию (соответственно 61,1 и 63,9%), не повысило своей грамотности в местах заключения. При прочной мировоззренческой основе в сознании каждого освобождаемого положительные навыки, прививаемые в местах заключения, попадали бы на плодоносящую почву,

Таблица 4

Образование	Объект 185		Объект 191	
	Число лиц	%	Число лиц	%
Неграмотные	—	—	—	—
1—3 класса	8	4,1	3	1,5
4—6 классов	66	35,0	67	35,1
7—9 „	82	46,0	81	42,5
Среднее	22	11,4	36	18,9
Высшее	7	3,5	1	0,5
Сведений не получено	—	—	3	1,5
Всего	185	100	191	100
Повысили уровень образования в местах заключения				
Да	70	37,8	61	32,0
Нет	113	61,1	122	63,9
Сведений не получено	2	1,1	8	4,1
Всего	185	100	191	100

на которой должно вырастать человеческое отношение к своей жизни и жизни других людей, ибо преступление — это чаще всего акт невежества и заблуждения, которому должны быть противопоставлены прочные моральные критерии и знания, превращенные в систему.

В соответствии с постановлением Пленума Верховного суда СССР от 4 марта 1961 г. № 2 существенным фактором, который должен учитываться при решении вопроса об условно-досрочном освобождении, является повышение осужденным своей производственной квалификации. Обследование показало, что на практике это предписание Верховного суда Союза ССР недооценивается и суды зачастую освобождают условно-досрочно лиц, которые в местах лишения свободы не получили специальности и не повысили своей производственной квалификации. Так, из числа обследованных по «объекту 185» специальности получили 47%, а по «объекту 191» — 43%. Кроме того, следует отметить, что некоторые специальности, приобретаемые заключенными в местах лишения свободы, не имеют широкого применения в народном хозяйстве.

Как уже указывалось, нами выделены в отдельную группу факторы, которые могли повлиять на совершение рецидивного преступления уже после условно-досрочного освобождения.

Из лиц, обследованных по «объекту 185», 57% совершили новое преступление в течение одного года после освобождения. Этот факт заставляет задуматься над тем, что, очевидно, в течение этого времени в сознании освобожденного происходит наиболее активное противоборство отрицательных и положительных начал. Совершение многими освобожденными нового преступления через столь недолгий срок является следствием того, что положительные навыки, вынесенные из места заключения, не получили подкрепления в условиях свободного существования или, напротив, отрицательные установки прошлого не встретили должного сопротивления со стороны положительных условий жизни на свободе. Первый год жизни после освобождения — наиболее сложный. Следовательно, именно в этот период освобожденный должен быть объектом особо тщательного наблюдения и контроля.

Из всего многообразия условий жизни освобожденных после выхода на волю в ходе нашего исследования в первую очередь отмечались такие, как их участие в общественно полезном труде и бытовые условия.

Поступление на работу сразу же после условно-досрочного освобождения важно

по ряду причин. Оно важно для создания необходимых материальных условий проживания освобожденного. Основным и, как правило, единственным источником получения им материальных средств должен быть общественно полезный труд. Средства, которыми располагает освобожденный после выхода из места заключения, обычно невелики. (По нашим данным, по «объекту 185» после освобождения имело до 25 руб. 62,7% обследованных, а до 10 руб. — 27,3%). Этих средств, конечно, недостаточно для нормального устройства своей жизни. Поэтому своевременное трудоустройство освобожденного имеет важное значение для нейтрализации возможных у такого человека колебаний по вопросу о том, каким образом получить средства для жизни: за счет трудовых, честных источников или, напротив, за счет преступления.

Сведения по «объекту 185» достаточно убедительно иллюстрируют давно уже установленное нашими криминологами положение об обусловленности преступной деятельности паразитическим образом жизни. Из тех лиц, которые после условно-досрочного освобождения совершили новое преступление, 37,8% вообще не занимались общественно полезным трудом. При этом 11,4% из них прямо заявили, что не работали только из-за нежелания (нетрудоспособных по «объекту 185» было всего 9,2%).

Однако и те из 185 лиц, которые в момент совершения рецидивного преступления работали, в большинстве своем поступили на работу позже двухнедельного срока, предусмотренного для трудоустройства лиц, освобожденных условно-досрочно. Так, до двух недель после освобождения не работало 39,5%, до одного месяца — 27, до двух месяцев — 14,6 и свыше двух месяцев — 13% обследованных.

Вовлечение освобожденного в общественно полезный труд чрезвычайно важно также из-за больших воспитательных возможностей, заложенных в процессе активного участия человека в деятельности трудового коллектива. При этом воспитательный эффект должен рождаться как из самого процесса труда (при правильной его организации), так и из общественной психологии трудового коллектива, спаянного отношениями товарищества и взаимопомощи.

В связи с этим интересно проследить, куда поступали работать условно-досрочно освобожденные.

В большинстве случаев выбор места работы не определялся тяготением к коллективу, где обследованный трудился до осуждения. Скорее наоборот: 70,8% (по «объекту 185») и 60,2% (по «объекту 191») после освобождения не вернулись на прежнюю работу. Такие данные неудивительны. Стыд перед знакомыми по работе, а, возможно, просто боязнь неприятностей с их стороны — также одна из возможных причин, объясняющих перемену большинством освобожденных места работы.

Однако нельзя исключить и другого объяснения. Желание поступить на прежнее место работы, очевидно, сталкивалось подчас с противодействием со стороны администрации и общественных организаций некоторых предприятий. Это толкало освобожденного на поиски работы в других местах и устраиваться, даже не считаясь с имеющейся специальностью. Характерно, что почти половина освободившихся работала не по специальности. Прямым следствием этого являлась неудовлетворенность работой и направление основных интересов во внепроизводственную сферу жизни, что нередко оказывало влияние криминологического свойства. Этот вывод подтверждается сведениями о сравнительно частых переменах места работы после условно-досрочного освобождения. Так, по «объекту 185» не меняло место работы 54%, а «по объекту 191» — 28,6% обследованных. Обращает на себя внимание и то, что в большинстве случаев все эти перемены не были связаны с изменением места проживания, ибо 61,2% обследованных по «объекту 185» и 76,0% по «объекту 191» после условно-досрочного освобождения вернулись к своему прежнему месту жительства.

Характерны для рассматриваемого положения и такого рода сведения. По «объекту 191» около 30% лиц были освобождены при наличии ходатайства коллектива предприятия или учреждения. Однако лишь около 50% из них в момент обследования работали в тех организациях, которые ходатайствовали об их условно-досрочном освобождении. Следовательно, многие ходатайства носили формальный характер. Но даже и в тех случаях, когда они были продиктованы действительной заботой

о судьбе и перевоспитании преступника, воспитательное воздействие коллектива подчас не могло быть осуществлено, так как освобожденный поступал работать на другое предприятие или учреждение.

Нам представляется, что лица, освобожденные из мест лишения свободы, как правило, должны трудоустраиваться на предприятия и в организации, где они работали до совершения преступления, за исключением случаев, когда они лишены права заниматься определенной деятельностью или когда среда и обстановка этого коллектива могут оказать отрицательное влияние на их дальнейшее перевоспитание. Трудоустройство по прежнему месту работы способствует более полному и быстрому воздействию коллектива на вернувшегося, ибо коллектив его хорошо знает, а следовательно, может лучше оказать ему помощь, не дать вновь сбиться с правильного пути. Поэтому было бы целесообразно ввести такой порядок, при котором одним из обязательных условий условно-досрочного освобождения являлось бы ходатайство коллектива трудящихся, в котором осужденный раньше работал. В основе такого ходатайства должна лежать просьба самого осужденного с обязательством проработать весь срок, на который он будет условно-досрочно освобожден, в коллективе, ходатайствующем за него.

Наконец, говоря о важности включения освобожденного в трудовую деятельность, следует постоянно иметь в виду, что нахождение его в трудовом коллективе представляет собой одно из важнейших условий контроля за его перевоспитанием. Однако к этому вопросу мы вернемся несколько ниже.

Далее представляется целесообразным привести некоторые данные о бытовых условиях жизни обследованных. Характеристика их материальной обеспеченности (из расчета на члена семьи в месяц) приведена в табл. 5.

Таблица 5

Месячный доход на члена семьи, руб.	Объект 185		Объект 191	
	Число лиц	%	Число лиц	%
До 10	6	3,1	2	1
10—25	17	9,3	22	11,5
26—40	—	—	43	22,5
26—50	48	26,0	—	—
Свыше 51	96	51,9	—	—
41—60	—	—	39	20,4
Свыше 60	—	—	64	33,5
Жили на нетрудовые доходы	12	6,5	—	—
Сведений не получено	6	3,1	21	11,1
Всего	185	100	191	100

Данные этой таблицы убеждают в том, что материальное положение освобожденных было относительно благополучно. Едва ли поэтому следует придавать существенное значение материальной необеспеченности как условию рецидивного преступления.

Интересно, что весьма хорошими оказались и жилищные условия обследованных (табл. 6).

Для характеристики бытовых условий имеет смысл привести также полученные при обследовании сведения о семейном положении этих лиц (табл. 7).

При анализе этих данных бросается в глаза, что среди лиц, совершивших новое преступление, гораздо меньше женатых, чем среди тех, кто не встал на преступный путь после условно-досрочного освобождения. Отсюда можно сделать предположительный вывод о том, что привязанность к семье оказывает на бывшего преступника известное морализующее воздействие, а если семья эта построена на глубоких чувствах и уважении, то боязнь разрушить ее может эффективно противостоять поползновениям к преступлению.

Таблица 6

Жилищные условия	Объект 185		Объект 191	
	Число лиц	%	Число лиц	%
В отдельной квартире	101	54,7	109	57,1
В общей квартире	34	18,4	55	28,8
В качестве поднаемателя	10	5,4	6	3,1
В общежитии	28	15,1	14	7,3
Не имели жилья	8	4,2	1	0,6
Сведений не получено	4	2,2	6	3,1
Всего	185	100	191	100

Далее приведем данные о проведении досуга по «объекту 185»: 55,7% обследованных сообщили, что в свободное время они читали газеты и художественную литературу, 57,8% — посещали кино (хотя утвердительно на вопрос о посещении кино и театра ответило только 22,7%), спортом занималось 15,7%, в общественной жизни участвовало 14,0%, но зато почетное место у 47% обследованных занимали спиртные напитки (сведения «по объекту 191» в последнем вопросе существенно отличны — только у 9,9% была установлена приверженность к проведению свободного времени за бутылкой водки). На последнее обстоятельство следует обратить особое внимание. Роль алкоголизма как причины преступности хорошо известна. Поэтому борьба с ним является действенным средством предупреждения преступности. Кажется бы, лица, совершившие преступления под влиянием этого фактора и оказавшиеся в местах заключения, должны быть подвергнуты особому воспитательному, а

в необходимых случаях и медицинскому воздействию. Однако обследование по «объекту 185» показало, что многие из условно-досрочно освобожденных, совершивших первое преступление под воздействием алкоголя, вновь стали на преступный путь по этой же причине (таких лиц оказалось 54%).

Таблица 7

Семейное положение	Объект 185	Объект 191
	%	
Женатые	35,7	58,1
Холостые	44,4	26,1
Разведенные	10,7	7,9
Гражданский брак	9,2	7,9

При анализе данных о проведении досуга не должен вводить в заблуждение относительно высокий процент читающих прессу, художественную литературу и посещающих кино, ибо содержание этих источников информации и получаемые при этом эмоциональные переживания бывали таковы, что далеко не всегда могли активно противодействовать укреплению антиобщественных установок в сознании ряда лиц. К тому же здесь более важен качественный показатель, чем количественный: что именно читает, какого рода кинокартины смотрит человек.

Рассматривая условия, препятствующие окончательному перевоспитанию условно-досрочно освобожденного, необходимо особо выделить такой фактор, как влияние преступной среды — 20,5% обследованных по «объекту 185» заявили, что они и после освобождения продолжали поддерживать связь с преступниками и лицами, ведущими антиобщественный образ жизни. И в той борьбе, которая должна вестись за человека, эти силы еще нередко, к сожалению, оказываются в выигрыше.

Для того чтобы говорить о наличии настоящей борьбы за нового человека, надо располагать данными о наступательной, целенаправленной деятельности государственных органов и общественности по воспитательному воздействию на всех условно-досрочно освобожденных. Конечно, такие примеры имеются. Но не о них сейчас речь, ибо существование значительной рецидивной преступности среди условно-досрочно освобожденных говорит о том, что в массовом масштабе такая деятельность до сих

пор не организована. Особое беспокойство вызывает отсутствие контроля за жизнью условно-досрочно освобожденных. Необходимость такого контроля вытекает не только из того факта, что каждый освобожденный из заключения должен в течение определенного времени после отбытия наказания находиться под пристальным наблюдением. Такой контроль является фактической и правовой гарантией реализации условного освобождения. Он имеет две взаимосвязанные стороны: предъявление повышенных требований к поведению освобожденного и оказание ему помощи в налаживании честной трудовой жизни.

Установить порядок наблюдения и дальнейшего воспитания может уже суд при решении вопроса об условно-досрочном освобождении. Однако, как показывают данные обследования, суды еще редко пользуются этим правом. В отношении 71,2% из 191 обследованного такого решения судом принято не было.

Сведения, полученные от самих условно-досрочно освобожденных, говорят о том, что за их жизнью не осуществляется контроля по существу. Из 185 человек, совершивших повторные преступления после условно-досрочного освобождения, только 14,6% при опросе заявили, что их жизнью как-то интересовались (с 9-ю лицами беседовали работники милиции, и с 18-ю руководящие работники предприятий и учреждений и представители общественности).

Немало фактов, когда бывшие правонарушители увольняются с предприятий. Так, на заводе «Вольта» в течение 1964—1965 гг. было уволено 12, а на Таллинском авторемонтном заводе № 1 за неполный год — пять бывших правонарушителей. Такое же положение на Таллинском целлюлозно-бумажном комбинате. Мотив увольнения, как правило, один: нарушение трудовой дисциплины, прогулы. С точки зрения задач перевоспитания увольнение создает противоречивую ситуацию. Уволить такого человека с предприятия — это значит изъять его из-под воспитательного воздействия данного производственного коллектива. При этом еще неизвестно, поступит ли он после увольнения на другую работу, или вернется к паразитическому, а может быть и к преступному образу жизни. Осознавая это, наблюдательные комиссии, работники милиции, прокуратуры пытаются порой воздействовать на администрацию предприятия и ходатайствуют о неприменении этой крайней меры дисциплинарной ответственности. В качестве аргумента при этом обычно выдвигается то, что человек, этот необычный, выбившийся из колеи, и к нему требуется особый, более осторожный и вдумчивый подход, чем к другим нарушителям трудовой дисциплины. Но здесь и возникает противоречие, ибо необычность такой личности состоит только в том, что она хуже других и, следовательно, требования, предъявляемые к ней, должны быть строже, жестче. А поскольку действия человека фатально не предопределены складывающимися обстоятельствами его жизни, а непосредственно определяются его сознанием, волей, то он должен быть ответственен за свои поступки и мера ответственности за нарушение трудовой дисциплины условно-досрочно освобожденного также должна быть не меньше, а больше, чем в обычных случаях. Поэтому задача контроля за ним — это задача профилактическая, заключающаяся в недопущении нарушений дисциплины на производстве и общественного порядка в быту. А. С. Макаренко говорил: «Вы можете заставить человека трудиться сколько угодно, но если одновременно с этим вы не будете его воспитывать политически и нравственно, если он не будет участвовать в общественной и политической жизни, то этот труд будет просто нейтральным процессом, не дающим никакого положительного результата. Труд, как воспитательное средство, возможен как часть общей системы».³ Необходимо не только трудоустроить бывшего правонарушителя, приохотить его к труду, но добиться чтобы он осознал цель и общественное назначение своего труда, понял и проникся уважением к принципам и нормам социалистического общежития. Воспитание трудом должно быть связано с воспитанием посредством вовлечения человека в общественно-политическую и культурную жизнь, с переделкой не только его отношения к труду, но и к быту. Именно в этом — суть и смысл контроля, который должен осуществляться коллективом.

³ А. С. Макаренко, Соч., т. 5, стр. 112.

Полученные при изучении условно-досрочного освобождения сведения позволяют говорить и о таком факторе, снижающем эффективность данного института, как слабая работа специально уполномоченных на то органов. Это относится прежде всего к органам милиции и наблюдательным комиссиям. Поскольку до настоящего времени ни в милиции, ни в наблюдательных комиссиях даже не налажен четкий оперативный учет ранее судимых, то не может быть и речи о действенном контроле за этой категорией лиц.

Как уже указывалось, эффективность условно-досрочного освобождения определяется не только практикой его реализации, но и содержанием регулирующих его нормативных требований. Представляется, что законоположения еще недостаточно учитывают предупредительное назначение данного института. Требования закона об условно-досрочном освобождении должны быть таковы, чтобы стимулировать исправление осужденных не только в местах лишения свободы, но и способствовать их исправлению после освобождения. При этом закон должен быть направлен на ликвидацию самой основы преступного поведения — деморализации досрочно освободившегося от наказания правонарушителя.

В этом смысле заслуживает внимания уголовное законодательство ГДР и ЧССР. Законодательство этих государств исходит из того, что пассивное поведение досрочно освобожденных и условно осужденных в испытательный период, простое воздержание от совершения нового преступления не всегда свидетельствуют об исправлении преступника. Поэтому законы этих государств предоставляют суду право возлагать на условно осужденных и условно освобожденных определенные обязательства по устранению причин и условий, приведших их на скамью подсудимых. Кроме того, по окончании испытательного срока эти лица должны предстать перед судом и отчитаться в своем поведении. Только после проверки выполнения испытуемыми возложенных на них обязательств и условий суд постановляет признать их испытание успешно законченным и погасить условно отсроченное наказание. В случае, если суд находит, что испытуемый не выполнил возложенных на него обязательств и условий, выносятся постановления об исполнении неотбытого наказания.

Такой порядок вполне логичен по смыслу условно-досрочного освобождения и оправдан с точки зрения поднятия его практической эффективности. На данном этапе представляется целесообразным хотя бы распространение на условно-досрочно освобождаемых ограничений, предусмотренных Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 марта 1964 г., т. е. установить, что лица эти в течение неотбытого срока лишения свободы обязаны работать там, куда будут направлены, запретить им в период испытательного срока покидать пределы административного района и обязать периодически являться в органы милиции для регистрации.

Таким образом, социологическое исследование условно-досрочного освобождения показывает, что хотя основные его принципы являются вполне оправданными, однако для повышения предупредительной эффективности этого института требуется еще дальнейшая работа как в направлении улучшения всей практики его осуществления, так и совершенствования законодательства.

*Институт экономики
Академии наук Эстонской ССР*

Поступила в редакцию
11/IV 1966

J. LIVSITS, J. KASK

TINGIMISI ENNE TÄHTAEGA KARISTUSEST VABASTAMISE EFEKTIIVSUSE UURIMISE TULEMUSI

Resümee

Tingimisi enne tähtaega karistuse kandmisest vabastamise efektiivsuse väljaselgitamiseks uuriti aastail 1964—1965 Eesti NSV-s suurt gruppi isikuid, kes vabadusekaotusest olid vabastatud tingimisi enne tähtaega.

Ankeet täideti 376 inimese kohta, kes jagunesid kahte rühma. Esimese rühma moodustasid 185 ankeeti isikute kohta, kes ankeedi täitmise ajal kandsid karistust Eesti NSV Ühiskondliku Korra Kaitse Ministeeriumile alluvates kinnipidamiskohtades kuritegude eest, mis olid sooritatud pärast nende enne tähtaega tingimisi vabastamist karistuse kandmisest eelmise kuriteo eest. Teise rühma moodustasid 191 ankeeti nende kohta, kes olid karistuse kandmisest tingimisi enne tähtaega vabastatud ja viibisid ankeedi täitmise ajal vabaduses; vabastamine oli toimunud enamasti 1962.—1963. aastal.

Kõigepealt selgus, et parandusliku töö asutuste administratsioonid, järelevalvekomisjonid ja kohtud on tingimisi vabastamisel teinud ilmseid vigu. Nii on kohtumaterjalide pealiskaudse analüüsi tõttu üksikute süüdimõistetute suhtes õigustamatult kasutatud tingimisi enne tähtaega vabastamist. Mõnikord on tingimisi enne tähtaega vabastatud isikud sattunud olukorda, mis soodustas ühiskonnavastast käitumist, ning kaldunud uuesti kuritegevusele.

Nagu analüüs näitas, on tingimisi enne tähtaega vabastamise põhiprintsiibid kõigiti õiged ja põhjendatud. Kuid selle instituudi seaduserikkumisi ärahoidva mõju suurendamiseks tuleb parandada tema teostamise praktikat, õppides hoolikamalt tundma tingimisi enne tähtaega vabastamiseks esitatud isikuid ja tõhustades kontrolli nende käitumise üle pärast vabastamist. Samuti tuleks täiustada seadusandlust, lähtudes sellest, et seaduse nõuded ei pea stimuleerima mitte ainult süüdimõistetute parandamist kinnipidamisasutustes, vaid aitama kaasa ka nende paranemisele pärast vabastamist. Seetõttu oleks otstarbekohane sättida seaduses, et sellised isikud on kohustatud ärakandmata karistusaja kestel töötama seal, kuhu nad suunatakse, et katseaja kestel oleks neil keelatud lahkuda administratiivrajooni piirest, et nad oleksid kohustatud perioodiliselt registreerima miilitsaorganeis jne.

Eesti NSV Teaduste Akadeemia
Majanduse Instituut

Saabus toimetusse
11. IV 1966

J. LIWSCHIZ, J. KASK

ERFORSCHUNG DER EFFEKTIVITÄT BEDINGT-VORFRISTIGER ENTLASSUNG DER STRÄFLINGE

Zusammenfassung

Zwecks Feststellung der Effektivität der bedingt-vorfristigen Entlassung ist in der Estnischen SSR 1964—1965 eine zahlreiche Gruppe vorfristig Entlassener geprüft worden.

Es wurden Fragebögen über 376 Personen ausgefüllt, die in zwei Gruppen zerfielen. Die erste Gruppe bildeten 185 Personen, die sich im Augenblick der Ausfüllung der Fragebögen in Gefängnissen des Ministeriums für Schutz der öffentlichen Ordnung der Estnischen SSR befanden wegen Straftaten, begangen nach ihrer bedingt-vorfristigen Befreiung von der Gefängnisstrafe für frühere Verbrechen. Die zweite Gruppe bildeten 191 Personen, die i. d. J. 1962 u. 1963 bedingt-vorfristig entlassen, im Moment der Befragung frei waren.

Vor allem zeigte es sich, dass die Administration der Korrekptionsarbeitsanstalten, die Aufsichtskommissionen und Gerichte bei der bedingt-vorfristigen Entlassung offensichtliche Fehler begangen hatten. So sind einzelne Sträflinge auf Grund oberflächlicher Analyse der Gerichtsmaterialien unbegründeterweise bedingt-vorfristig entlassen worden. Andere vorfristig Entlassene gerieten in eine Lage, die ein gesellschaftsfeindliches Benehmen begünstigt, und begingen neue Straftaten.

Die Analyse erwies, dass die Prinzipien der bedingt-vorfristigen Entlassung durchaus richtig und begründet sind. Zur Steigerung der Vorbeugungswirkung dieser Institution ist aber eine weitere Arbeit an der Vervollkommnung ihrer Anwendung notwendig: die vorfristig zu Entlassenden sind gründlicher zu prüfen und nach der Entlassung im Auge zu behalten. Auch der entsprechende Teil der Gesetzgebung sollte vervollkommen werden. Die Gesetzesvorschriften sollten nicht bloss eine Besserung der Häftlinge während der Haftzeit, sondern auch nach der Befreiung anstreben. Es müsste festgesetzt werden, dass die bedingt-vorfristig Entlassenen bis zum Ende ihrer urteilsmässigen Strafzeit verpflichtet sein würden, an dem ihnen angewiesenen Arbeitsort zu arbeiten, den betreffenden Administrationsbezirk nicht zu verlassen, sich periodisch bei der Miliz zu melden usw.

Institut für Ökonomie
der Akademie der Wissenschaften der Estnischen SSR

Eingegangen
am 11. April 1966